

болѣе содѣйствовали развитію его необычайной гордости. Принадлежа по рожденію къ аристократическому сословію, имѣя несомнѣнно большой талантъ литературный, принимая со всѣхъ сторонъ поклоненіе, Толстой еще съ молодю мечталъ превзойти всѣхъ знаменитостей міра, въ чемъ самъ сознается, и отъ этой мечты не отказался до старости: силился поправить Христа и Его ученіе. Вотъ почему онъ и лишился внутренней уравниженности и простоты душевной; вотъ почему, подводя своихъ героевъ къ нравственному возрожденію, онъ ихъ никогда не могъ ввести въ послѣднее. Потому и Левинъ остановился на его порогѣ; потому и Нехлюдовъ не воскресъ, потому же и самъ Толстой, стоя при дверяхъ смерти, стоялъ только при дверяхъ учителей покаянія св. обители, но войти къ нимъ не могъ и умеръ, не примиренный съ Богомъ.

Могла-ли утѣшиться его душа вкушеніемъ человѣческой славы, столь бурными проявленіями покрывшей его погребеніе? Увы, это внѣшнее преклоненіе было скорѣе оскорбленіемъ поэту, нежели честью. Оно имѣло характеръ всецѣло оппозиціонный и революціонный; между тѣмъ Толстой революціи и конституціи не сочувствовалъ, а на первую горячо негодовалъ. Но даже независимо отъ сего, что можетъ быть обиднѣе, когда насъ хвалятъ только для того, чтобы оскорбить или напугать другихъ? А если мы вспомнимъ, что эту погребальную буффонаду исполняли тѣ самые элементы общества, которые 5 лѣтъ тому назадъ кричали и печатали о немъ, какъ о сѣумасшедшемъ старикѣ, выжившемъ изъ ума аристократъ, какъ о дворянской ветоши, на которую нечего обращать вниманіе, то, судите сами, чѣмъ отличается теперешнее его возвышеніе отъ того, когда заброшенную подушку и сношенную одежду поднимаютъ на высокій шестъ и ставятъ въ огородѣ въ качествѣ пугала для воронъ? Нашъ писатель воспроизвелъ собою сказку Пушкина о Рыбакѣ и Рыбкѣ: мало показалось старухѣ быть дворянкой и царицей, захотѣла быть богиней, и осталась безъ царства и дворянства при одномъ разбитомъ корытѣ. Надъ обыкновеннымъ покойникомъ возносятся теплыя, участливыя молитвы его ближнихъ, а здѣсь въ пышныхъ тостахъ демонстрантовъ по разнымъ городамъ никто о душѣ умершаго и не думалъ, а всѣ злорадствовали надъ Церковью и